

Л и л я К е ч и н а

ПАЗЛЫ

Кто бы мог подумать, что потомственной москвичке, наизусть знающей репертуар Ленкома и Пушкинского, окажется так комфортно в этой уединенной глуши. Небольшой дачный поселок, приросший к сосновому лесу, прятался даже от единственной асфальтированной дороги, ведущей в город. Жизнь тут начиналась с теплом и естественным образом затихала накануне первых ночных заморозков.

Это Еню и подкупало. Большую часть года компанию ей составляли пронырливые белки, парочка таких же дачных отшельников, а еще миллиарды крошечных картонок с фрагментами картинок и ювелирно вырезанными выступами и ложбинками. Терпеливая Еня могла часами собирать их в одно целое, восстанавливая задуманное кем-то изображение. Это вполне заменяло ей все остальные, доступные в деревенских условиях удовольствия — садоводство, однообразные чаепития с соседями и даже полезные прогулки по сосновому бору.

Пазлами ее еженедельно снабжали внуки, пока их родители доставали из машины бумажные пакеты с продуктами и очередной партией разноцветных витаминов. Баночки эти копились нетронутыми в прикроватной тумбочке. Еня была вызывающе здорова, будто бунтуя против опеки повзрослевшего потомства, а на таблетки у нее были другие планы, ради которых Еня и ввязалась в эту авантюру с переездом.

Любящие родители на свадьбе передавали Еню в руки жениха, как хрупкий артефакт, разве что без инструкции по уходу и содержанию. Муж — Андрюша — достался Ене очень ответственный и заботился о Ене до самого конца, а потом в дело вступили повзрослевшие дети, почему-то считавшие прожитые ею годы доказательством беспомощности, а не правом на свободу. Поэтому Еня ужасно гордилась тем, что впервые в жизни приняла волевое решение и вопреки всему бросила свою просторную городскую квартиру, сбежав в это захолустье.

Мечта, постепенно сложившаяся в четкий план, возникла у нее через несколько месяцев после смерти мужа, или, по определению

самой Ени, безвременной разлуки. Видя, как жизнерадостная и легкая мать превращается в хмурую затворницу, дети решили обратиться к специалисту. Семейные советы, на которых обсуждали врачей и клиники, продолжались несколько недель, и Еня уже даже подумывала принять в этом участие, когда достойный кандидат, наконец, был выбран.

Доктор вел частную практику в модном бизнес-центре и был очень востребован, даже знаменит. На прием попали вне очереди, по какому-то очень важному знакомству старшей дочери. Еня захватила с собой ворох анализов, которые прилежно сдавала каждые полгода, и попыталась их подсунуть врачу, но тот только коротко отказался смотреть. В кабинете было темно, за панорамными окнами хмуро, а моложавый, гладко выбритый доктор в разноцветных кроссовках принял Еню, как ей показалось, холодно и отстраненно. Безо всякого интереса и не глядя на пациентку, он задавал не связанные между собой вопросы и никак не реагировал на ее реплики. Еня нервничала, пыталась угадать правильные ответы и ждала в конце приема не медицинские рекомендации, а приговор.

Но доктор внезапно оттаял и как-то очень по-человечески рассказал, что происходит с Еней и как ей можно помочь: лекарства, санаторные процедуры, встречи с психологом. А потом, немного подумав, он достал из стеклянного шкафа серебристый блистер с пилюлями и протянул Ене. Прошное, сказал он, это фундамент вашей жизни. Да, его невозможно вернуть, но только потому, что оно и так навсегда с вами. Я даю вам возможность снова прожить мгновения, которые вам дороги, и понять, как эти сокровища близко.

Тогда Еня даже не представляла, насколько точно доктор описал действие этих таблеток. Первую она приняла скорее из-за ответственности, чем с каким-то ожиданием, но случилось нечто, сравнимое с волшебством. Промозглое осеннее утро, в руках у нее легкий, почти невесомый сверток из белого одеяла, внутри которого спит новорожденная дочь, смущенный Андрюша распахивает плащ и прижимает их обеих, согревая своим теплом. Все остальные рекомендации, полученные от дорогостоящего врача, были тут же забыты, потому что исцелить Еню мог только голос, запах, объятия мужа.

Еня не хотела снова расставаться с ним и с той идеальной жизнью, которая была у нее когда-то. За третьим сеансом последовал четвертый, за ним еще один и еще. Волшебные пилюли были бы для

Ени идеальным средством спасения, если бы не одно но. Однажды сразу после сеанса встречи с прошлым на пороге ее квартиры вырос какой-то незнакомый мальчишка в хулиганской кепке, и Еня категорически отказывалась пускать его, не признав собственного внука Юрика. Дети, испугавшись за рассудок своей матери, устроили обыск и изъяли все таблетки, а Еня во второй раз лишилась мужа. После затяжного и болезненного семейного конфликта и появился план побега. С собой Еня взяла только пару полупустых чемоданов и упаковку чудесного лекарства из тайника — на первое время.

С удивительной даже для себя организованностью Еня быстро обжилась на новом месте. Раз в месяц на дребезжащем рейсовом автобусе она отправлялась в близлежащий маленький городок, расположенный еще дальше от покинутой Москвы. Приводила в порядок каре белоснежных, с молодости сохранивших густоту волос и непременно делала маникюр, забавляясь подслушанными разговорами юных особ. И, наконец, не спеша отправлялась ближе к окраине, где ей удалось договориться с местным аптекарем о весьма выгодной сделке — упаковка волшебных пилюль в обмен на сохраненные баночки дорогих витаминов. Кажется, полученные от Ени банки ушлый аптекарь продавал и получал неплохую прибавку к зарплате.

Еня продумала все до мелочей. Дверь должна быть заперта на засов — обязательно на засов, который не отпереть с улицы. Шторы нужно задернуть, а на кофейный столик возле кресла положить потрепанный до плюшевой мягкости обрывок бумаги. На нем все еще можно было различить: «Меня зовут Еня, Евгения Гавриловна, бабушка, мама. Аня и Эдуард — мои дети. Кудрявый Сева, голубоглазый Ваня и Юрик в кепке — дети моих детей, внуки. Все остальное в синей тетради, она лежит под кроватью». Записка эта еще ни разу не понадобилась: Еня приходила в себя, не растеряв ни одну деталь из своей жизни, но все же опасалась так нелепо выдать себя, просто приняв родных людей за незнакомцев.

Не спеша, шаг за шагом Еня погружалась в прошлое, с каждым сеансом отдаляясь от настоящего. Вспоминать хотелось не все. Продолжительная Андрюшина болезнь, его беспомощность, жидкая каша, вытекающая из открытого рта, подгузники и бессвязная речь были невыносимыми даже в виде обрывочных воспоминаний. Нет, они не заслужили это, а поскольку теперь именно Еня решала, как

сложится ее новое прошлое, свое обратное летоисчисление она начала с мужниного юбилея, где он в последний раз танцевал свою традиционную, неправильную лезгинку, и теперь мечтала только о том, чтобы дожить до собственной свадьбы.

Это было похоже на путешествие во сне. Белую таблетку проглотить и запить стаканом воды. Синюю — под язык. И сразу же положить в рот сладкий леденец — он перебивает горький шершавый привкус. Поначалу они действуют как снотворное. Постепенно обмякают конечности, тело становится ватным, путается сознание, отделяясь от реальности. Где-то в этой складке между сном и явью и появляются лохмотья воспоминаний, за которые нужно хвататься и карабкаться прямиком в нужный день. И уже там, в конечной точке своего путешествия, Еня могла замедлять и останавливать счастливые моменты, рассматривая в мелочах то, что тогда казалось обыденным и привычным, а теперь стало самым драгоценным.

Мягкий свет из окна скользит по буфету и отражается на его лакированных стенках и стеклянных дверцах, обнимает изумрудного цвета диван, пересчитывает расставленный в алфавитном порядке многотомник русской классики. Солнечные лучи будто ищут и не могут найти ни пылинки. У Ени всегда идеальный порядок. Она ставит на низкий журнальный столик пузатую вазу с яблоками и поправляет вчерашнюю газету с еще склеенными по краям страницами. Сын с утра убежал на тренировку, дочь занята на школьном субботнике. Еня загадала, чтобы Андрюша приехал до их возвращения.

Птичья трель звонка застает ее врасплох — волосы в бигуди, на талии кухонный передник. Еня бежит в ванную, на ходу развязывая тонкие тесемки фартука. Хватает шелковую косынку и прячет металлические кудри. Отражение, пойманное на ходу в зеркале темной прихожей, почему-то напоминает ей про мышку-норушку из детского мультфильма, но стоит открыть дверь, как все глупости исчезают из головы. Всего-то неделя командировки, а Еня как будто отвыкла и снова, как в первые годы, удивляется, что этот статный красивый мужчина с благородным лицом и серьезным взглядом — ее муж.

Отчего-то растерявшись, Еня хватается через порог его чемодан. «Ну, здравствуй», — говорит он на выдохе и склоняется, чтобы поцеловать ее в висок — легонько, как повелось у них с самого знакомства. Рядом с ним Еня чувствует себя совсем крошечной, лицом она

прижимается к его груди, слушает ровное гулкое биение сердца и слышит едва уловимый перечно-сладкий запах. Он приобнимает ее за плечи и дважды легонько похлопывает — значит, пора заканчивать с нежностями.

Еня рассеяно накрывает на стол, ныряя по шкафчикам в поиске приборов. Так у них принято: встреча на пороге, Енина суета с кастрюлями и его рассказы о поездке, о дороге и рабочих на заводе. Но сегодня она в одиночестве хлопочет по кухне, а молчаливый Андрюша в гостиной листает газету, закинув ноги на идеально чистый журнальный столик. Когда в квартиру врываются дети и вихрем проносятся мимо, до Ени долетают радостные возгласы от встречи с отцом. Она несколько минут медлит перед тем, как позвать всех к столу, и почему-то вспоминает сегодняшней сладковато-перечный запах мужа. Он как будто неизвестный и в то же время узнаваемый, как хорошо знакомый предмет, обнаруженный в неожиданном месте.

После обеда все разбредаются по комнатам, оставив Еню наедине с опустошенными тарелками и разбросанными салфетками. Из крана бежит кипяток, и под струей воды руки моментально краснеют. От металлической мочалки на вилках остаются свежие царапины. Услышав телефонный звонок, двойным эхом раскатившийся по квартире, Еня машинально вытирает руки и хватая висящую на стене трубку. Чей-то протяжный вздох и следом за ним смешливый Андрюшин голос: «Неймется тебе, да?» Странно, подумала Еня, телефон делает его таким мягким, даже ласковым. «Еня, — протяжно кричит он через всю квартиру, и Еня с испугу нажимает на клавишу отбоя. — Еня, к телефону».

Возвращалась на этот раз Еня тяжело, долго сидела в кресле и уснула, так и не отперев дверной засов. Назавтра, будто не замечая ноющих суставов, она то суетливо мельтешила по дому, поправляя сбитые подушки, отмывая холодильник, то застывала у окна и стоя пила обжигающий чай. Родные Ене не по крови, а по прожитой жизни — и муж, и Нюра — умерли друг за другом. Ближе у нее никого не было, и тосковала она по ним ужасно.

Нюра со школьных времен была ее близкой подругой. Таскала на танцы, куда стеснительная Еня не решилась бы пойти, безуспешно учила делать макияж и флиртовать, пробивала им обоим студенческие путевки на море. Длинные смолянистые волосы, утонченное

лисье лицо, пышная грудь — Еня не понимала, почему красавица Нюра так и не вышла замуж. Одинокая и взбалмошная, обожаемая и требующая внимания. Еня обязательно приглашала ее на все семейные праздники, часами выслушивала телефонные монологи и по первому зову мчалась на выручку. Нюра была посвящена в самые сокровенные тайны Ени, и, как все годы дружбы казалось самой Ене, это было взаимно.

Запасы таблеток уже подходили к концу, а она продолжала искать, присматриваться, прислушиваться. Улики были почти незаметны — долгие взгляды, мимолетные жесты, Нюрины просьбы о мужской помощи по дому. Еня умела собирать пазлы — кропотливо перебирать множество незначительных фрагментов, чтобы получить полную, заранее известную картину.

Еня познакомила их на собственной свадьбе — пышной, суетливой, веселой. Этот день пролетел на одном дыхании и остался в памяти смазанным снимком, наполненным смехом, криками «Горько!» и танцами. Еню никто не крал. Вместо этого Нюра похитила жениха, чем ужасно повеселила гостей. Еня долго искала его, путаясь в платье, бегала и звала-звала. Нашла их на улице, затаившимися на заднем дворе. Долго обнимала обоих, радовалась удачной Нюриной шалости и снова обнимала. И только теперь Еня увидела то, что счастливые глаза скрыли от нее тогда. Как оба как-то смущенно, будто застигнутые врасплох, нетерпеливо тянут ее обратно за стол. Как Нюра исподтишка поправляет молнию на обтягивающем атласном платье. Как трясется рука у раскрасневшегося Андриюши и долго не прикуривается его сигарета.

Погода уже портилась. Матовое серебристое небо почти касалось крыш, дожди размывали песочно-землистые тропинки, сезонные дачники наспех переселялись в город, увозя детский смех, велосипедные звонки и дребезжащую музыку. В доме было темно, от стен исходила отсыревшая затхлость, неприятно скрипел пол. Разбросанные на письменном столе фрагменты пазлов покрылись тонкой пыльной пленкой.

Затормозившую у ворот машину Еня узнала по смешному короткому присвисту, натянула легкую куртку и посмотрела в зеркало. «Интересно, что дают в Маяковского», — подумала она. Дверь распахнулась и в коридор влетел долговязый Юрик в своей вечной

кепке. «Как замечательно! — сказала Еня, — Поможешь донести чемоданы».

Застать Еню дома было сложно: выставки, прогулки, свидания, кафе. Она будто проживала еще одну жизнь в родном городе, оставив себе единственное обязательство — еженедельный большой обед с родными и внучатыми детьми. Слегла она через несколько лет и почти сразу переехала в дом престарелых, освободив родных от обузы. Навещавшим ее детям рассказывали про старого артиста, дарившего Ене букеты сорванных с клумб цветов, но та только хитро улыбалась и отщучивалась.

Умерла Еня во сне, когда гуляла по знакомому сосновому лесу и считала прыгающих на высоте белок. Там приятно пахло дождем, влажным мхом и перегнившей травой.

